

План, по сути, был прост: «Око за око». Однако детали его оказались дерзкими до безрассудства — такое мог выдумать разве что Горький даос, и невольно вызывало уважение.

Турнир боевых искусств решили провести под эгидой Усадьбы Восьми Ветров по двум причинам. Во-первых, Ван Чэнцян был втянут в это дело против воли и питал лютую обиду на Павильон Недеяния, а потому должен был выложиться по полной. Если же он проявит нерадение, Тан Юаню стоило лишь шепнуть о его роли Павильону — и даже будучи гениальным мечником, Ван Чэнцян не устоял бы против полчищ врагов.

Во-вторых, репутация Усадьбы Восьми Ветров была изрядно подмочена. Хотя Меч Чэнцян и славился в речных кругах, один из трёх старейшин усадьбы был отъявленным негодяем, и многие в мире боевых искусств Усадьбу не уважали. Она не была подобна Удану или Шаолиню — столпам севера и юга, чей авторитет оспаривать не смели. Будь Турнир организован ими, и объяви они о владении Печатью Счастья и Несчастья, число охотников помешать сократилось бы вдвое, и вода не замутилась бы так, как теперь.

— Не ожидал, что Горький даос сумеет привлечь тебя.

— Если ты, молодой герой Ван, слышал, учитель Горького даоса был старым другом моего наставника из Долины Персикового Цвета. Он с детства рос при учителе, вот мы и познакомились.

Ван Чэнцян отреагировал с прохладцей, и в голосе его сквозила неприкрытая зависть:

— У Тан Юаня, конечно, врагов хоть отбавляй, но и друзей тоже немало.

Хотя он и сам был известен и радел об Усадьбе, нельзя было отрицать, что её дурная слава, особенно история с убийством девушек, превратила Усадьбу в место полуправедное-полуразбойничье, что создавало ему немалые трудности в общении. Услышав, что он из Усадьбы Восьми Ветров, люди начинали косяться. У кого в роду не было юной сестры или дочери?

— Молодой герой Тан ценит долг и дружбу, хоть порой его прямота и обижает, — вступился Шэнь Дуань, пытаясь и Ван Чэнцяня приободрить. — Но те, кто узнаёт его ближе, становятся друзьями. Ты, молодой герой Ван, хоть и страдаешь из-за репутации усадьбы, но всё же признан одним из десяти великих мастеров нашего времени, известен каждому.

— Десять великих мастеров? Не напоминай. Мы оба знаем, чего стоит этот список. Если судить чисто по мастерству, я и в двадцатку-то едва вхожу. — Ван Чэнцян показал два пальца. — Просто старые чудовища ушли в тень, вот нам и достались их места.

Под «старыми чудовищами» Ван Чэнцян подразумевал таких патриархов, как мастер Жоку, даос Юйсуй и старец Лазурного Моря. Эти люди давно удалились от мира, и со временем их перестали включать в какие-либо списки.

Ван Чэнцян продолжил:

— Но Горький даос — мастер интриг. Меня преследовал Павильон Недеяния, многие видели, как я, раненый, падал с городской стены. Но он вместе с Возрожденным Ямой сумел всё замести. Все, кто знал, что я взял поддельную Печать, мертвы, а вместо меня подсунули чей-то труп. Теперь, какие бы могущественные покровители ни стояли за спиной у тех из Павильона, найти меня им не удастся.

— Горький даос и впрямь знает толк в таких делах.

— Да, я отлично понимаю, зачем он использует меня и зачем Усадьбу. А ты? Понимаешь ли, зачем он использует тебя? Лишь из-за старой дружбы? Друзей у него по всей реке, почему же ты удостоился его внимания?

Услышав этот вопрос, Шэнь Дуань задумался.

Он, конечно, знал почему.

Потому что у него была кровная вражда с новой фракцией Павильона Недеяния, и сцена гибели Юнь преследовала его каждую ночь. Использовать Шэнь Дуаня — значило обрести верный клинок. А ещё потому, что у него была подлинная Печать Счастья и Несчастья, обретенная по воле случая. Он понимал, что владеть такой вещью — и благо, и проклятие.

Но что ещё?

Была ещё Долина Персикового Цвета. Долина активно взаимодействовала с другими школами, и её поддержка заставляла даже тех, кто не желал ввязываться, крепко задуматься. Если Павильон Недеяния пойдёт в атаку, Усадьба Восьми Ветров и Долина станут ему щитом, обеспечив путь к отступлению. Усадьба и Долина были могущественны и вряд ли понесли бы серьёзный урон.

Горький даос и впрямь мыслил хитро и расчётливо.

— Я знаю, — ответил он Ван Чэнцяню.

(Двадцать пятая)

Приречный павильон стоял на границе Хунаня и Хубэя, словно флаг, встречающий и провожающий путников. Здесь отдыхали странники, здесь литераторы предавались вдохновению. Это было самое оживлённое место в мире боевых искусств, где рождались и умирали самые невероятные слухи.

— Один номер получше.

Шэнь Дуань договаривался с хозяином, когда с верхнего этажа бесшумно спрыгнул воин в облегающей тёмной одежде. Не дав Шэнь Дуаню разглядеть себя, тот совершил невероятный прыжок с места и вновь исчез наверху.

Шэнь Дуань даже бровью не повёл и продолжил давать указания слуге:

— Принесите в номер ведро горячей воды.

Лишь когда Шэнь Дуань поднялся на второй этаж, незнакомец выбрался из укрытия и шлёпнулся за соседний стол:

— Фух, пронесло. Игла персикового цвета и впрямь не подводит. Парень снова вырос в мастерстве, чуть не успел схватить меня за запястье — едва ноги унёс.

На его лице красовалась маска с изображением синеликого демона, страшная и отталкивающая, но люди редко задерживали на ней взгляд. В речных кругах чудаков хватало, и таких лучше было не трогать.

— Молодые герои, что ныне на слуху, все на особом счету. Коли не желаешь отставать, стоило бы ученика взять. Обучь как следует — и он мог бы с ними потягаться.

За столом сидел ещё один человек, на вид лет пятидесяти с хвостиком, но голос его звучал молодо и энергично.

— Эх, старею. Раньше и думать не желал, чтоб кто-то меня обошёл, даже ты мне не указ был. Но с тех пор как тот парень умер, словно все силы, что в него вложил, с ним и ушли. И пропал весь запал.

Он вздохнул, налил вина из кувшина и, сняв маску, опрокинул чашу одним махом. Теперь его лицо предстало во всей красе — очень молодое, можно было дать лет двадцать пять, не больше. Но в голосе звучала такая усталость, будто ему за семьдесят.

Два странных человека, чьих имён мы не знаем. Назовём их «Молодоголосый» и «Староголосый».

Они заказали целых двенадцать кувшинов вина, и «Староголосый» пил, а «Молодоголосый» лишь наблюдал. Они болтали о молодых героях весь день.

— Тот, что только что прошёл, — Игла персикового цвета, самый приметный из десятки лучших.

— Из-за родимого пятна?

— И ещё из-за запаха лекарств. Когда я к нему приблизился, аромат ядов из его рукавов едва не сбил с ног.

— Мастер ядов и снадобий, да ещё и с поддержкой Долины Персикового Цвета за спиной — как тут не прославиться? — «Молодоголосый» наконец взял чашу, но налил в неё чаю.

— Ну и мазила же ты... — «Староголосый» фыркнул. — В другой раз без меня пей. — А чтобы прославиться, одной поддержки мало, своё мастерство нужно. Кстати, ты же раньше в Долине Персикового Цвета с учеником своим торчал, разве не в курсе, какого ученика они там заполучили?

— Шэнь Дуань, действительно парень с талантом. Я тогда все мысли о том, как ученика от яда избавить, так что на новичков в Долине и внимания не обратил.

— Да перестань ныть! — «Староголосый» слегка стукнул чашей о стол, и из стоящей рядом коробки выскочила одна палочка, помчавшись прямо к «Молодоголосому». Тот, не меняя выражения лица, будто невзначай поднял руку и перехватил её на лету.

<http://bllate.org/book/16265/1463662>